

Корпорации и экономический рост. Опыт Южной Кореи

С.И. АГАБЕКОВ, кандидат социологических наук, ООО «Газтехлизинг».
E-mail: mazmaga@yandex.ru

Е.А. ЛЕВИНА, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва. E-mail: jlevina@hse.ru

В статье рассматривается история роста южнокорейской экономики с уровня, при котором ВВП на душу населения составлял 70 долл. в год, до высокотехнологичной развитой страны. Исследуются особенности реализации японской модели развития в условиях постоянного противостояния Южной и Северной Кореи. Анализируются причины замедления экономического роста, а также применимость южнокорейского опыта к ситуации в экономике России.

Ключевые слова: японская экономическая модель, государственное вмешательство в частный сектор, экономический рост

Южная Корея – представитель группы стран, называемых «азиатскими тиграми». Она смогла повторить экономический успех Японии, позаимствовав ее модель ускоренного экономического роста.

Разные стратегии

Преобразование Южной Кореи из аграрной, разрушенной войной экономики в индустриальное общество (15-ю экономику мира [1. Р. 509]) со среднегодовым ростом ВВП около 9% [2. Р. 63], началось в 1960-х годах [3. Р. 27] с развития инфраструктуры, в первую очередь автомагистралей. Побудительным мотивом стало противостояние между Северной и Южной Кореей. На момент начала инвестиций в инфраструктуру по уровню промышленного развития Северная Корея превосходила Южную. При этом в долгосрочные планы властей как Северной, так и Южной Кореи входило объединение страны в рамках одной экономической системы. Поэтому темпы экономического роста выступали в качестве одного из аргументов превосходства одной экономической системы над другой [4. Р. 56, 63–64].

Основная идея состояла в том, что внутренний рынок Южной Кореи слишком мал, поэтому единственным способом обеспечить

поступление в страну финансовых ресурсов для подъема промышленности является экспортная ориентация экономики.

Главными направлениями стратегии экономического развития были инвестиции в инфраструктуру и предоставление режима государственной поддержки примерно 30 крупным частным компаниям (чеболям) как локомотивам технологического развития страны [5. Р. 36]. Принципы функционирования и рыночные ориентиры чеболей имеют очень сильное сходство с принципами работы японских компаний [5. Р. 50].

Основным объектом в 1960-е гг. стало строительство автомагистрали длиной 430 км, соединявшей два крупнейших города – Сеул и Пусан. При строительстве был заимствован немецкий опыт, с которым президент Пак Чон Хи был ознакомлен во время визита в ФРГ в 1964 г. [4. Р. 56, 60]. Планирование строительства автомагистрали Сеул – Пусан началось в 1967 г., когда в стране было около 60 тыс. автомобилей, а завершено в 1970 г. при 130 тыс. автомобилей.

Автомагистраль долгое время оставалась скорее символом стратегии, направленной на экономическое развитие, чем реальной транспортной артерией, так как без значительных транспортных потоков наращивание дорожных сервисов (мест для отдыха, АЗС и др.) происходило постепенно уже после открытия дороги. Из-за ускоренных темпов строительства (с 1969 г. по 1970 г.) впоследствии возникла необходимость постоянных ремонтов дорожного полотна [4. Р. 74–76].

Первой экономической целью было развитие легкой промышленности, затем – тяжелой и химических отраслей [2. Р. 63]. В основу экономики легло пятилетнее планирование, а главным ресурсом было население, работавшее за низкую зарплату при малом количестве часов отдыха [2. Р. 72]. В остальной стране испытывала дефицит внутренних ресурсов [1. Р. 510].

Наращивание конкурентных преимуществ в разрезе пятилетних планов шло поэтапно [2. Р. 66, 68–69, 72] (табл. 1).

Хорошей иллюстрацией места страны в мировой экономике и достигнутого ею технологического уровня является анализ структуры экспорта [6]. Он показал, что в 1962 г. в Японии машиностроение и электроника занимали уже значительную долю экспорта, но текстильная и швейная отрасли всё еще доминировали (подробнее об изменении экспорта Японии

см., например, [7]). По мере увеличения экспорта продукции машиностроения и электроники, к которым добавляются химия и товары, связанные с медициной, падает экспорт одежды и текстиля. Аналогичный процесс наблюдается и в Южной Корее: сначала растет экспорт одежды и текстиля, затем – более сложной продукции (в Южной Корее это – электроника) [8].

Таблица 1. **Этапы наращивания конкурентных преимуществ в Южной Корее**

Государственная экономическая политика
<p>1962–1966</p> <p>Поддержка отраслей: энергетики, производства материалов с низким уровнем обработки, строительства дорог. Принят закон о защите автомобилестроения, который способствовал слиянию мелких автопроизводителей (сборщиков) и повышению уровня концентрации в отрасли</p>
<p>1967–1971</p> <p>Поддержка легкой промышленности, производства обуви, париков, фанеры. Закон о поддержке производства автомобилей. Принят краткосрочный план развития автомобильной отрасли, разработан поэтапный план выхода на создание полностью отечественного автомобиля, от двигателя до колес</p>
<p>1972–1976</p> <p>Поддержка тяжелой и химической промышленности. Введен высокий импортный тариф на ввоз иностранных автомобилей. Принят долгосрочный план развития автомобильной отрасли</p>
<p>1977–1981</p> <p>Поддержка автомобилестроения, признанного правительством лидирующей экспортной отраслью. Однако производство начинает превышать внутренний спрос вдвое. В совокупности с нефтяным кризисом и внутриполитической нестабильностью (убийство в 1979 г. президента Пак Чон Хи) это приводит к отраслевому кризису. Преодолеть его помогло сохранение сборочных производств</p>
<p>1982–1986</p> <p>Поддержка отраслей с конкурентными преимуществами. Через искусственное ограничение конкуренции в автомобильной отрасли установлен трехлетний запрет на создание новых бизнесов, сделана попытка перенаправить конкурентный потенциал чеболей с внутреннего рынка на внешние. Учреждается Союз автомобильных отраслей (KAICA).</p>
<p>1987–1991</p> <p>Достижение конкурентоспособности на большинстве мировых рынков. Проведена либерализация импорта иностранных автомобилей. Учреждается Союз автопроизводителей. Идет ослабление государственного влияния на экономику, растут зарплаты рабочих. Последнее привело к снижению ценовых конкурентных преимуществ южнокорейских автопроизводителей, что, однако, не помешало расширить им свое присутствие на мировых рынках</p>

К 1992 г. в Южной Корее все еще значителен экспорт одежды и текстиля, но уже наблюдается становление сектора, требующего развитой технологии (электроника). К 2014 г. продуктовые пространства Южной Кореи и Японии становятся идентичны. Две крупные области экспорта обеих стран – это автомобили и детали к ним (шасси, кузова, бамперы и т. п.); увеличивает экспорт товаров химии и связанных с медициной (товары

с высоким индексом экономической сложности), а экспорт одежды и текстиля практически сошел на нет. Обратим внимание и на то, что экспорт Южной Кореи в 2014 г. составляет 80% от японского, притом, что население не превышает 40%¹.

В России же основа экспорта – это сырая нефть и газ. В 1992 г. совокупная доля этих товаров в экспорте России составила 36%, а в 2014 г. – 48% [9]. При этом практически прекратился экспорт текстиля и одежды и машиностроения, уменьшился объем и сократился состав химической продукции и товаров, связанных с медициной.

Возникает вопрос: почему же ФПГ не сыграли в экономике России той роли, которую сыграли чеболи в экономике Южной Кореи?

В России результатом приватизации государственных активов в 1990-е гг. стал переход крупных производств в частные руки. Новые собственники избрали стратегию построения холдингов с включением в их состав банков и финансовых компаний. Для поддержания устойчивости бизнеса использовались связи в высших и региональных органах власти (административный ресурс). Так в экономике России появился своего рода аналог южнокорейских чеболей, получивший название финансово-промышленных групп (ФПГ). Предполагалось, что, используя советский технологический ресурс, ФПГ способствовали бы становлению высокотехнологичных отраслей. Этого, однако, не произошло.

Из приведенных выше данных следуют несколько заключений о сходствах и отличиях южнокорейского опыта от российского:

- Южная Корея была изначально бедной страной, Россия в 1990-е также была бедной страной (обе страны нуждались в валюте);
- Южная Корея не имела человеческого капитала, Россия обладала большим его запасом, но стремительно теряла его;
- В Южной Корее был рыночный характер экономики, в России рынок только формировался;
- Южная Корея применила опыт стратегического пятилетнего планирования, Россия шла по этому пути, но отказалась от него;

¹ В 2015 г. в Японии население 126 958,47, в Южной Корее – 50 617,04. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>

• Южная Корея использовала идеологию внешнего врага, в России произошел отказ от такой идеологии;

• В Южной Корее доступ к государственным ресурсам предоставлялся в обмен на соответствие экономического результата стратегическим целям, в России – в обмен на политическую поддержку.

С точки зрения результатов, ключевыми, на наш взгляд, являются отсутствие в России стратегического планирования (установки целей как таковых) и критерий доступа к государственному финансированию [10].

Анализ дает и ответ на вопрос о том, почему Россия столкнулась с голландской болезнью, а Южная Корея – пока нет. Во-первых, экономика Южной Кореи развивалась через диверсификацию и наращивание технологического потенциала, а Россия использовала тот потенциал, который у нее был. Во-вторых, поступление валюты в экономику Южной Кореи происходило медленно, а в России – быстро. И, наконец, в-третьих, поступление валюты в экономику Южной Кореи компенсировалось ее оттоком на покупку сырья и углеводородов, необходимых для производства технологичных товаров. В России сами высокотехнологичные товары были объектом импорта, так как потребности в импорте сырья не было.

Чеболи и их влияние на экономический рост

Рост чеболей ускорился в начале 1960-х годов. К началу 1990-х годов 10 крупнейших чеболей производили более 80% ВВП Южной Кореи. По объему экспорта в 1992 г. страна заняла 13-е место в мире. Продукция чеболей стала присутствовать на большинстве мировых рынков (автомобильном, бытовой электроники, нефтедобычи) [2. Р. 63]. Совокупный экспорт восьми крупнейших торговых компаний, принадлежащих восьми крупнейшим чеболям, превышал половину всего экспорта Южной Кореи [5. Р. 38].

Через приобретение акций, слияния и совместное управление бизнесом чеболи диверсифицировали свой бизнес, распространив его более чем на 70% отраслей промышленности. В начале 2000-х 50 крупнейших фирм производили более 30% товаров и услуг во всех отраслях. Пять крупнейших чеболей владели половиной собственности в стране, обеспечивая 40% совокупного годового

объема продаж [9. Р. 248]. С 1950-х ВВП на душу населения вырос за 40 лет с менее 70 долл. в год до более 6500 долл. [2. Р. 63].

На начальном этапе развития чеболям были присущи следующие особенности:

- концентрация долей в капитале у одной семьи;
- управленческий персонал чеболей формируется через дружеские связи, возникшие за годы обучения в университетах;
- неотделимость собственности от управления (высший управленческий персонал также принадлежал к семье собственника);
- объединение контроля над активами происходило через заключение браков между членами семей собственников;
- доступ чеболей к государственным заказам и финансированию;
- согласование рыночной стратегии чеболей с установками экономической политики правительства, прежде всего согласование направлений инвестирования;
- ориентация рыночной стратегии чеболей не столько на прибыль, сколько на объем продаж и захват максимальной доли рынка;
- внедрение в трудовых коллективах ценностей и норм, основанных на конфуцианской философии (прививание сотрудникам ощущения принадлежности к «корпоративной семье») [5. Р. 37–39, 46].

Описание ценностей некоторых известных чеболей [5] дает основание усомниться в том, что они опирались на единую конфуцианскую философию. Для каждого чеболя был характерен свой собственный, уникальный набор корпоративных обычаев и норм. Где-то от сотрудника требовались энергичность, инициативность, некоторая агрессивность и бережливость («Хёндэ»), где-то основной ценностью была гармония в отношениях между сотрудниками («Лаки-Голдстар»). Главное, что их объединяло, – это требование преданности корпорации и готовности к самоотверженному труду ради ее процветания. В основном эти нормы внедрялись сверху и были не предложениями каких-то внешних консультантов, а отражением взгляда на мир главы чеболя.

Правильнее было бы говорить о том, что наиболее крупные чеболи смогли создать и внедрить хорошо работающие авторские системы мотивации персонала.

На основе выделенных особенностей развития чеболей и принципов государственной политики технологического развития можно сформулировать следующие ключевые предположительные причины бурного экономического роста, характерные для Южной Кореи с конца 1960-х годов:

- наличие промышленно развитого внешнего врага в лице Северной Кореи;
- поддержка США вследствие холодной войны;
- стратегия руководителя страны (Пак Чон Хи), направленная на укрепление личной власти, а также идеологического превосходства системы через создание развитой технологичной экономики;
- стратегическое планирование (в 1962 г. принят первый пятилетний план экономического развития [4. Р. 60]);
- дефицит финансовых ресурсов, который вызывал стремление минимизировать затраты на строительство дорогостоящих объектов инфраструктуры [4. Р. 67] (примерная стоимость строительства автомагистрали Сеул-Пусан была лишь в пять раз меньше годового бюджета на 1967 г. [4. Р. 61]);
- построение специфической системы развития, при которой создание и импорт в страну новых технологий происходят через несколько десятков частных компаний с концентрацией собственности и управления в рамках одной семьи;
- высокие затраты чеболей на исследования и разработки [5. Р. 47];
- постепенный переход чеболей от экспорта продукции отраслей с низкой добавленной стоимостью к продукции с высокой добавленной стоимостью (в том числе через скупку и оздоровление обанкротившихся компаний) [5. Р. 46];
- ориентация чеболей на экспорт продукции и оказание услуг на внешних рынках (в соответствии с экономической политикой правительства) [5. Р. 47–48];
- крайняя затрудненность рейдерских захватов бизнеса из-за концентрации собственности и контроля у ограниченного количества семей;
- предоставление чеболям доступа к иностранным и государственным финансовым ресурсам и заказам в обмен на согласование их рыночных стратегий со стратегическими планами правительства по экономическому развитию;

- построение внутри чеболей хорошо работающих систем мотивации (преданности корпорации) управленцев среднего звена и трудовых коллективов;
- повышение образовательного уровня и навыков сотрудников в качестве самостоятельной ценности как на государственном, так и на корпоративном уровне.

Перечисленные причины экономического роста сформировали такую среду, которая вынуждала чеболи тратить большие ресурсы на исследования и разработки.

Если сравнить чеболи с российскими корпорациями, то можно обнаружить много схожих черт. Из этого можно сделать вывод, что особенности, которые присущи чеболям, способны дать необходимый результат только при наличии потребности экономики в инновационном развитии, а также в институциональной среде, в которой лояльное отношение к собственникам корпораций напрямую зависит от результатов их деятельности на мировом рынке.

Какие ценности способны стать источниками роста

В некоторых работах подвергается сомнению конфуцианская природа южнокорейского экономического роста. Напротив, утверждается, что экономика крупных корпораций, имеющих поддержку государства благодаря связям между правительственными чиновниками и собственниками чеболей, привела к размыванию конфуцианских ценностей. Имеется в виду особенность южнокорейского рынка труда, на котором сравнительно низка доля молодых специалистов при высокой доле пожилых людей.

Проблема заключается в том, что воспроизводство инновационного человеческого капитала в стране превышало его востребованность со стороны чеболей. Но именно чеболи могли предложить молодым специалистам стабильную и высокооплачиваемую работу, соответствующую их квалификации.

Из-за агрессивных рыночных стратегий чеболей малые и средние фирмы не могли развиваться до необходимого уровня прибыльности и технологического обеспечения. Им фактически была навязана стратегия выживания без инвестиций в развитие. В 1980-х малые и средние фирмы столкнулись с дефицитом

денежных средств из-за снижения банковского кредитования. Все попытки увеличить его не привели к росту технологического оснащения и конкурентных преимуществ малых и средних фирм. Как следствие, они не могли предложить молодым специалистам работу, которая соответствовала бы их требованиям [9. Р. 238–239, 248–249, 253].

В результате в Южной Корее в начале 2000-х гг. работали или находились в ее поиске только 70,5–73,7% специалистов в возрасте 25–29 лет (к 2005 г. их доля увеличилась). Даже до финансового кризиса 1997–1998 гг. безработица в данной возрастной категории составляла 7% (при общей 2–2,5%), а после кризиса – уже 7–14%. Отказавшись от поисков работы, молодые специалисты не могли содержать старшее поколение, представители которого вынуждены были сами выходить на рынок труда. Именно пожилые корейцы заполнили низкооплачиваемые и нестабильные вакансии, предлагаемые малыми и средними компаниями. Работают или ищут работу до 30% корейцев в возрасте от 65 лет и старше, что на 20% выше, чем в среднем по развитым странам [9. Р. 238, 240, 243, 250].

Высказывается предположение, что большое количество малых фирм, характерное для Южной Кореи, обусловлено в значительной степени тем, что пожилые вынуждены оставаться экономически активными. Многие из них пытаются открыть небольшой бизнес или заняться индивидуальным предпринимательством. Так, свыше 500 тыс. малых фирм ежегодно появляются на рынке, но около 400 тыс. из них уходят с рынка, не выдержав конкуренции. Более 85% южнокорейских фирм имеют в штате пять и менее сотрудников. Кроме того, около 30% всех занятых в Южной Корее – самозанятые [9. Р. 251, 256].

Станет ли Южная Корея экономическим зеркалом Японии?

В истории экономики Южной Кореи отчетливо прослеживаются черты японской модели, которая до 1990-х гг. демонстрировала очень высокие показатели роста. Это обусловлено значительным влиянием на Корейский полуостров японской культуры и японской элиты как до, так и во время второй мировой войны. К общим чертам можно отнести следующие характеристики обеих экономик:

- квалификация и ценностная система южнокорейской элиты формировалась в японских университетах;
- значительные разрушения после второй мировой войны;
- дефицит внутренних природных ресурсов, заставляющий стремиться к максимально полному использованию инвестиционных ресурсов при строительстве объектов инфраструктуры;
- внедрение стратегического планирования;
- высокая степень правительственного вмешательства при принятии крупными корпорациями стратегических решений;
- преобладание в экономике крупных корпораций, аккумулирующих внутри себя передовые технологические разработки;
- ускоренное увеличение технологической составляющей в конечном продукте через импорт технологий и доступ крупных корпораций к государственным финансовым ресурсам;
- ориентация экономики на экспорт конечных продуктов при существенных ограничениях на импорт зарубежных аналогов (то есть возможность импорта технологий, но не конечных продуктов);
- максимально полное использование геополитического ресурса – режима доступа к американскому финансированию и технологиям в целях создания альтернативы коммунистическим режимам в Азии, для поддержания высоких темпов экономического роста.

Важно отметить, что на момент запуска экономического роста гораздо важнее оказываются квалификация и ценностная система кадров на высшем уровне государственного управления, а не наличие технологических ресурсов и человеческого капитала. Южнокорейский опыт показал, что при наличии четко поставленных задач и постоянном контроле их исполнения экономика способна за сравнительно короткий срок (примерно 15 лет) преодолеть технологическую отсталость и бедность подавляющего большинства населения.

Опыт Японии, Южной Кореи и еще некоторых азиатских стран показал наличие альтернативы длительному формированию институтов развития, который прошли экономические системы Европы [11]. Вместе с тем успех японской и южнокорейской модели в значительной степени стал возможен благодаря уникальной геополитической ситуации – противостоянию двух технологически развитых экономических систем (СССР и США).

То есть для реализации таких экономических моделей необходимо наличие стран, уже обладающих высокими технологиями и готовых ими делиться с целью расширения списка своих геополитических союзников.

Возникает закономерный вопрос: столкнутся ли Южная Корея и другие «азиатские тигры» с проблемами, аналогичными тем, которые возникли в 1990-е годы в Японии? С высокой вероятностью этого может не произойти, но все будет зависеть от дальнейшей динамики инвестиционных потоков.

Дело в том, что благодаря экспорту Япония в короткий срок смогла нарастить значительные финансовые ресурсы в иностранной валюте (первоначально приток валюты от экспорта балансировался их оттоком из-за масштабного импорта природных ресурсов). Избыток валютных средств привел к удорожанию йены и снижению конкурентоспособности японских товаров на мировом рынке. Фактически Япония также столкнулась с голландской болезнью. С другой стороны, сложившаяся ситуация стимулировала финансовые институты и предприятия Японии получать все больший доход от размещения денежных средств [12. Р. 74–75].

При этом производство товаров постепенно перемещалось в Китай. По мере мирового экономического роста все большее количество стран выходило на международный рынок капитала. Это привело к удешевлению финансовых ресурсов и снижению доходов от их размещения. То есть зарабатывать на размещении денег за рубежом было уже невозможно, а нарастить внутреннее производство Япония не могла из-за конкуренции со стороны Китая и «азиатских тигров». Превращение Японии в одного из крупнейших кредиторов фактически стало, помимо факторов снижения производительности, одной из существенных причин замедления экономического роста.

Южная Корея приблизилась к экономической мощи Японии в тот момент, когда рынок финансового капитала был уже насыщен. Серьезные стимулы к замещению материального производства размещением денег исчезли. Поэтому темпы экономического роста Южной Кореи могут быть сохранены в случае продолжения курса на дерегулирование экономики и снижение государственной поддержки чеболей. В этом случае экономика постепенно специализируется на производстве определенных

групп высокотехнологичных товаров, а валюта, поступающая от экспорта, будет уходить из страны через импорт природных ресурсов, сырья, остальных товаров и комплектующих. Тем самым Южная Корея избежит избыточного удорожания воны.

Заключение

На сегодняшний день из-за снижения цен на нефть, ограничений на иностранное кредитование и ухода из страны значительной части иностранного спекулятивного капитала в России сложилась уникально благоприятная ситуация для развития внутренних производств (в том числе высокотехнологичных). Поэтому основная задача, стоящая перед экономикой, – формирование внутри нее институтов роста. В условиях высокого уровня коррупции и низкой квалификации государственных управленческих кадров южнокорейский путь с опорой на крупные концерны представляется нереализуемым.

Альтернативный путь – уменьшить регулятивное давление государства (сократив количество регулятивных процедур для бизнеса), предоставив экономике самой найти точки высокотехнологичного роста. Снижение количества при одновременном улучшении качества регулятивных процедур происходит через более четкое обозначение обязанностей сотрудников налоговых инспекций и иных контролирующих ведомств, тем самым уменьшаются возможности коррупционного давления на бизнес. Это позволит малому и среднему бизнесу сэкономить ресурсы для направления их на развитие производств, включая НИОКР. Иными словами, необходимо повысить эффективность использования находящейся в обращении денежной массы без ее увеличения.

Государство же должно сосредоточиться на совершенствовании контроля размещения и исполнения государственных заказов и судебной системы. Первая мера позволит оптимизировать использование финансовых ресурсов, вторая – повысит защищенность бизнеса и, как следствие, вернет доверие в экономике.

Не менее важно увеличение доли частного контроля над активами без участия административного ресурса (в отличие от псевдо-частного контроля, при котором конечным бенефициаром бизнеса выступает тот или иной крупный региональный или федеральный чиновник). То есть необходимо расширение надзорных функций государства в части слежения за действиями представителей

власти всех уровней (усиление своего рода внутреннего аудита государства). Самый прямой путь к реализации этой стратегии – полный аудит госзакупок с привлечением независимых консультационных компаний. Также необходимо проведение полномасштабного аудита вузов на предмет качества образования.

Литература

1. *Suh C. S., Chang P. Y., Lim Y.* Spill-up and spill-over of trust: an extended test of cultural and institutional theories of trust in South Korea // *Sociological Forum*. – 2012. – Vol. 27. – Iss. 2. – P. 504–526.
2. *Chung K-W.* The miracle of Han River: Korean government policy and design management in the motor industry // *Design Management Review*. – 2015. – 40th anniversary issue (from vol. 4, 3: summer 1993). – P. 63–73.
3. *Son H.* Alternative future scenarios for South Korea in 2030 // *Futures*. – 2013. – Vol. 52. – P. 27–41.
4. *Chihyung J. A.* Road to modernization and unification: the construction of the Gyeongbu Highway in South Korea // *Technology and Culture*. – 2010. – Vol. 51. – № 1. – P. 55–79.
5. *Lee S. M., Yoo S., Lee T. M.* Korean chaebols: corporate values and strategies // *Organizational Dynamics*. – 1991. – Vol. 19. – № 4. – P. 36–50.
6. *Hidalgo C. A., Hausmann R.* The building blocks of economic complexity // *Proceeding of the National Academy of Science of the United States of America*. – 2009. – Vol. 106. – № 26. – P. 10570–10575.
7. *Агабеков С.А., Левина Е.А.* Япония – чудо экономического роста и чудо стагнации // *ЭКО*. – 2016. – № 1. – С. 141–158.
8. *The Atlas of Economic Complexity* // Center for International Development. URL: <http://atlas.cid.harvard.edu>
9. *Yun J.-W.* The myth of Confucian capitalism in South Korea: overworked elderly and underworked youth // *Pacific Affairs*. – 2010. – Vol. 83. – № 2. – P. 237–259.
10. *Mironov V. V., Petronevich A. V.* Discovering the signs of Dutch disease in Russia // *Resources Policy*. – 2015. – Vol. 46. – P. 97–112.
11. *Sato R., Levich R. M., Ramachandran R. V.* Japan, Europe and international financial markets. Analytical and Empirical Perspectives. – Cambridge University Press, 1994.
12. Japan foreign assets hit record \$3.2 trln as top creditor nation // *Reuters*. – 2014. – May 26. URL: <http://www.reuters.com/article/japan-economy-assets-idUST9N0NT00H20140526>